

Н. Лесков

Еврей в России

**Несколько замечаний по
еврейскому вопросу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.С.**
Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу / Н. Лесков –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-2292-7

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2292-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Н.С. Лесков, 2022

Николай Лесков
Еврей в России: несколько
замечаний по еврейскому
вопросу

*«Аз не отвергу рода Израилева от
всех глаголет Господь»
Иеремия 31, 33.*

Часть первая

I

Люди высокого ума находили, что вопрос о евреях стоит в прямом соотношении с идеей о библейском Боге. Евреи, «племя Авраамово», – «избранный народ Божий», любимый сын Егвы, получивший самые счастливые обетования и имеющий самую удивительную историю. Это, впрочем, не только говорили люди, но, – употребляя славянское выражение – «так глаголет Господь».

Ни от кого не зависимый в своем фернейском уединении, свободомысленный энциклопедист Вольтер, на предложение вычеркнуть из человеческого словаря имя «личного Бога», отвечал, что он «не может решиться это сделать, доколе есть на свете еврей». Решимости Вольтера на этот счет мешало не католическое учение и даже не Библия, которая была ему знакома так же, как Болингброку, а ему, по его собственным словам, мешала одна «небольшая, загадочная фигурка», которая была еврей. Вольтер глубоко презирал и зло преследовал еврея своими остроумнейшими насмешками, но когда дело доходило до судьбы еврейского народа, – фернейский вольнодумец никогда не считал ее за что-то столь малое и ничтожное, с чем можно покончить солдатским или секретарским приемом. Вольтер видел на евреях перст Того, кого человечество называет Богом.

Из духовных книг евреев, которые чтит и христианство, мы знаем, что по библейскому представлению судьбою евреев занимался сам Егова. Евреи Его огорчали, изменяли Ему, «предлагались богам чуждым – Астарте и Молоху», и Егова наказывал за это то домашними несчастьями, то пленом и рассеянием, но, однако. Он никогда не отнял от них надежды Отчего прощения.

Евреи живут ожиданием исполнения этого обетования; и такое ожидание написано на их лицах в знаменитой картине Поль-де-ля-Роша «Евреи у стен Иерусалима». Тонкий следы того же ожидания можно читать на каждом выразительном еврейском лице, если только горькие заботы жизни и тяжкое унижение не стерли на нем след высшей мысли. Разумеется, для этого чтения нужна высшая способность, но ею и обладал Вольтер, не решившийся отрицать Бога из-за еврея. Это свидетельство важно и дорого как доказательство «от противного», способное напомнить, что большой и просвещенный ум при самом неблагоприятном настроении к евреям не мог считать их ничтожными людьми, о которых достаточно иметь одни канцелярски-полицейские соображения. Евреи доказали, что знак перста Божия, который видел Вольтер, положен на них недаром:

они в исходе XVIII века умели защитить библейское учение о едином Боге от самого же Вольтера и защитили его так же успешно, как отцы их защищали от иных нападок в древности.

Вполне враждебное, но серьезное отношение Вольтера к еврейству дало, как известно, еврейским раввинам повод написать в ответ на его антибиблейскую критику образцовые по тону и по глубине религиозного содержания «Еврейские письма», которые защитниками библизма переведены на все языки, не исключая в русского.

На русском языке они, впрочем, должны были явиться по преимуществу потому, что эти знаменитые «Еврейские письма» к фернейскому философу на-

писаны в России евреями русского подданства. Они же по справедливости составляют единственное русское литературное произведение, в котором есть настоящий деловой отпор вольтерианизму.

Участие иностранных евреев в этой ученой отповеди было самое слабое, и все главное здесь принадлежит евреям русским, оставшимся и после этого, прославленного в свое время, труда на своей родине не более как теми же «презренными жидами», которым считает себя в праве оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец.

II

Когда произошло это случайное событие, оно заставило религиозных и справедливых людей вспомнить о еврействе, среди коего, при его угнетенном положении, сохранилось столько умного богопочтения и такая сила знаний, что только одни евреи могли дать Вольтеру отпор, который он серьезно почувствовал и с которым с одним не справилось его блестящее остроумие. Император Александр I считал эти «Еврейские письма» лучшим апологетическим сочинением за Библию.

С той поры в Европе пробежала струя, оживившая внимание к евреям, и в судьбе их одновременно произошли многие благоприятные перемены, — не совсем одинаковые, впрочем, у нас и на западе. На западе, в странах католических и протестантских, философствующая мысль более одолела средневековые предрассудки и добыла евреям принадлежащее им человеческое право быть во всех отношениях тем, чем может быть всякий иной гражданин данного государства. В России это шло иначе. Здесь, где под усиленным присмотром обитали те еврейские ученые, которые умели заставить образованный мир прочесть их письма Вольтеру, с евреями произошли перемены, но гораздо менее для них благоприятные.

Философская мысль в России работает слабо, робко и несамостоятельно. Здесь если и занимались судьбою евреев, то почти не заботились об улучшении их участи, а только выискивали средства от них оберегаться. Это чувствуется во всем духе русского законодательства о евреях, и это же повело к тому, что положение евреев в России почти не улучшалось. Так, они и до сих пор остаются неполноправными и неравноправными не только по сравнению с людьми русского происхождения или с инославными христианами, но даже и по сравнению их с магометанами и даже язычниками.

Неравноправие евреев считается если не справедливым, то необходимо нужным потому, что евреи представляются людьми опасными.

Прежде думали, что евреи могут вредить христианской вере, оспаривая ее догмы или порицая ее мораль. Это, собственно, — самое старое мнение, получившее значение в Москве, где усиленно боялись ереси «жидовствующих», а самих евреев знали очень мало. Религиозное опасение вреда от евреев утратило свою остроту при Петре Великом, который не любил призрачных страхов и имел в числе своих сподвижников государственного человека еврейского происхождения, — барона Шафирова.

Несмотря на сильную подозрительность наших предков к опасности от евреев веры православной, евреи сравнительно скоро и без усилий успели опроверг-

нуть это подозрение. Они доказали, что вере христианской вредить не намерены.

Нет никакого спора, что евреям, как и всем сильно верующим людям, в общей со всеми мере свойствен прозелитизм, и между благочестивыми и начитанными евреями, каковых не мало в России, можно встречать любителей и мастеров вести религиозные рассуждения. Несомненно и то, что в своем богомыслии евреи, конечно, не стоят на чуждых их вере основаниях; но тем не менее случаи, где евреи являлись совратителями, — совершенно ничтожны. Римские католики в среде русской знати, лютеране в южно-русском простонародьи и даже магометане в восточной полосе империи имели в этом отношении без сравнения большие успехи. Есть, правда, одна секта «субботников», или иудействующих христиан, насаждение которой приписывается еврею Схарию, но дух этой секты, почитающей за необходимое «исполнить прежде закон ветхий, а потом Христов», указывает, что происхождение такого учения сродно известным местам Евангелия, а не Ветхого Завета и не Талмуда. Это должно быть ясно для всякого, ибо евреи Евангелия за руководство не принимают и не интересуются тем, как удобнее и совершеннее принимать крещение. Следовательно, если и был действительно такой еврей, который завел и распространил в России христианскую секту субботников, то это был, конечно, еврей, который сам уже изменил еврейству и перешел от Моисея ко Христу, соблюдая при этом свои особенные правила, до которых евреям нет никакого дела. Очевидно, это был человек, отпавший от ортодоксального еврейства и не сделавшийся ортодоксальным христианином. Это только его личная ошибка и несчастье его последователей. Во всяком случае, еврейство упомянутого Схарию своим не признает и перед христианством за него безответственно.

Светлый, но мимолетный век авероизма, когда христианин, мавр и еврей свободно сходились в Кордове и могли неосужденно рассуждать об эманациях, пролетел, как метеор, и скрылся. Он не оставил никаких других последствий, кроме воспоминаний о возможности заниматься высшими вопросами духа без враждебного всякой истине раздражения. Но если бы вся свобода, какую жили тогда разнoverные философские друзья и совопросники Ибн-Рашида, была уделом дней наших, то и в том случае это было бы не «совращение», а рассуждение. Однако времена так переменились и столь изменили нравы и интересы, что и этого опасаться напрасно. «Мудрецы и совопросники века сего» ныне заняты совсем не тем, о чем рассуждали во дни Аверозса: самая философия в ее господствующем направлении пришла к «теории бессознательного» и убеждает людей не алкать даже самого знания, ибо оно «усугубляет страдание». Что же касается религиозной пропаганды, то она потеряла свою средневековую страстность, и если еще держится, то разве в той мере, чтобы «не растерять своих».

Современный русский церковный писатель, епископ Хрисанф, в своем сочинении «История религий», для составления которого он пользовался лучшими материалами по данному предмету, отметил в высшей степени замечательный факт, что четыре великие религии: христианство, еврейство, магометанство и буддизм не обнаруживают почти никаких чувствительных завоеваний одна на счет другой. Приобретения их со стороны почти всегда исключительно происходят на счет исповедников религий менее совершенных, преимущественно язычников (фетишистов). Но и в этом случае подобные приобретения всего более

делает христианство, имеющее официальных миссионеров, а всего менее еврейство, которое не может обещать никаких выгод своим прозелитам. Впрочем, можно думать и так, Что библейский Егова слишком требователен и суров для ума человека, взрослого в верованиях о спасающей силе сторонней заслуги. Бог, воплотившийся с тем, чтобы умереть за людей, – более близок сердцам «труждающихся и обремененных». В религиозном отношении все внимание евреев устремлено на то, чтобы уберечь своих в культе Еговы, но не вести опасной и безвыгодной для их племени ветхозаветной пропаганды между людьми иноплемennыми.

Опасаться евреев как разрушителей христианской веры есть самая очевидная и самая несомненная неосновательность. И правительство русское, по-видимому, свободно уже от этого страха. По крайней мере, следы законоположений, предусматривавших этого рода опасность, видим только по отношению к слугам из христиан, которых запрещается иметь евреям, равно как и денщиков христианского исповедания не дозволено давать военным врачам еврейского происхождения. На этом стоит на минуту остановиться.

III

Быть в прислугах у еврея не стоило запрещать христианам, потому что это и без того ни для кого из них не находка. Всякий крестьянин и крестьянка всегда охотно избегают службы у жида, если только избежать этого есть какая-нибудь возможность. Прислушаемся к малороссийской народной и очень любимой песне «Взлитыв орел по пид небо». Чтобы представить томящемуся на чужбине казаку самую плачевную весть, песня представляет, что «сестра его риднисенька у жидови служит». Это высший ужас положения, какой могло придумать народное песнотворчество, и ужас этот не напрасен: жид не только умерен в своей жизни, но он часто просто скареден. Жид морит себя и всех в доме самую невозможную пищею; жид-хозяин рано встает, поздно ложится, он ведь день тормозится и не дает посидеть сложа руки прислуге. О нем сказано, что он «на? до всем трясется», и это правда, и только этими скаредными способами он и делает кое-какие сбережения. Что же за охота кому-нибудь жить и служить у такого хозяина?

В самом деле: кто «у жидови служит»?

По преимуществу в мелких городах и местечках это «покрытки», т. е. девушки, имевшие несчастье сделаться жертвою какого-нибудь неверного сельского обольстителя.

Идет дело обыкновенно так: у девушки рождается ребенок, в котором никто не хочет принимать никакого участия. Родная христианская среда оказывает несчастной только один вид внимания: девушке «покрывают голову». Коса, как знак девства, убрана под повязку; после этого несчастная, по пословице, становятся уже «ни девушка, ни вдова, ни замужняя жена», – она «покрытка». Среди своих крещеных односельчан покрытка встречает большее или меньшее пренебрежение; нередко ей остается в удел одно:

выселиться в убогую хатку «на задах» и начать открыто промышлять своим позором. Во многих случаях так и бывает, но в других случаях, где есть недалеко жид, иногда устраивается и иначе. Жид не горделив и не переборчив, он смотрит на все с точки пользы и выгоды и «не любит упускать то, что плывет

ему в руки». У «покрытки», которую нестерпимо унижают свои, есть сердце; дитя, ею рожденное, ей мило и жалко, она не всегда решает его «известь», а часто хочет его воспитать. Ей было бы где работать, чтобы за ту работу ей дали приют с ребенком и кое-какую пищу, а притом не обижали ее попреками за прошлое. Жид тут и есть к ее услугам: он берет покрытку в дом с тем, чтобы она ему служила. Правда, он берет ее очень дешево или часто вовсе задаром, или даже за один «покорм», — и он ее тоже немилосердно томит работою и худо кормит. Это уже у него такой домашний порядок, но все-таки он позволяет ей сажать ее приبلудного ребенка в одном «кутке» с его собственными детьми и никогда не попрекнет ее ее проступком.

Да, никогда!

Почему жид так снисходителен — это другой вопрос, но только известно, что «жид срамом не урекает». А это избавляет проступившуюся девушку от нестерпимых нравственных мук, которых она никак не надеется избежать в своей, христианской среде.

Вот что ведет христианскую девушку в услуги к еврею, и запрещать это напрасно, потому что есть такие условия в простонародной христианской жизни, при которых даже служба у еврея является спасением от гибели. Условия эти создает не еврей, но еврей ими только пользуется, и надо сознаться, что это не самое худшее из того, что могло ожидать женщину.

Под Москвою, где народ несравненно бойче и находчивее, а также и менее разборчив на средства, подобные случаи с девушками, как известно из литературы и из живых наблюдений, находят другой исход: проступившиеся подмосковные девушки в изобильном числе приходят по зимам в город и предлагают в банях свои услуги мужчинам в качестве «мыльщиц», но малороссийская девушка к таким смелым услугам не способна, да и самое это занятие не в обычаях ее родины.

Жить таким ремеслом для малороссиянки наверно показалось бы далеко хуже, чем служить у еврея. Но в чем же, собственно, вред такой службы? Отговаривает ли еврей свою христианскую служанку отречься от Христа и принять закон Моисея?

Этого не бывает, да и не может быть. А если случалось, что наймычка-христианка сживалась с хозяевами-жидами и даже начинала не любить своих, христиан (на что бывали примеры), то это, конечно, создавало то горе, какое она приняла от жестокости своих единоверцев и от которого спаслась у жида. Со стороны расчетливого еврея ему нет выгоды, чтобы его наймычка принимала еврейскую веру. Мало того, что ему за это может достаться, как за «совращение», но это и совершенно противно его хозяйственным соображениям и интересам. Если бы его наймычка или наймит приняли закон Моисеев, то они, как дети избрания, тоже стали бы подчиняться таким самым обрядовым правилам, как их хозяин и его семейство. А тогда кто же стал бы обирать гроши с христиан, заходящих «погулять» в его корчму в еврейские праздники, когда жид молится Богу в своем пестром талосе; кто гасил бы недогарки его моканых, салных свеч в тот священный час, когда сам жид, вкусив шабашкового перцу с рыбою, ляжет по патриархальному обычаю на одну перину со своею женою?

С «совращением» слуг исчезли бы все эти большие удобства, ради которых еврей только и дорожит присутствием в его доме слуги другой веры.

Такого рода вполне несостоятельные опасения религиозного характера получили начало в России во времена «тишайшего» Алексея Михайловича, который сам был вечно погружен в церковные заботы и склонен был думать, что и все другие более всего озабочены тем же. Тогда это было и очень понятно, ибо евреи встречались тогда в России за редкость; но после присоединения Малороссии и Польши знакомство с ними в России сильно увеличилось, и теперь держаться старых суеверий совершенно напрасно. Теперь, если уместно было бы о чем позаботиться насчет христиан, ищущих места в еврейском доме, то это, может быть, надо бы склонить как-нибудь православное духовенство, чтобы оно внушало сельским христианам, что преследовать девушку за грех ее юности есть дело нехристианское и что «покрытие головы» у женщины, по изъяснению апостола Павла, есть знак ее «покорности», а отнюдь не знак позора, как думают невежды.

Что же касается до денщиков-христиан у врачей из евреев, то и тут опасность совращения составляет страх самый неосновательный. Во-первых, еврей-врач очень редко или, вернее сказать, почти никогда не бывает страстным религиантом. Еврей-врач не соблюдает ни субботы, ни иных обрядов еврейского закона, и он скорее может подать своему денщику разве пример религиозного индифферентизма, чем склонить его перейти к Моисееву закону и Талмуду. Но то же самое довольно успешно может произвести и любой офицер из христиан.

Во-вторых, если опасаться, что еврей-врач может увлечь в еврейскую веру денщика, обязанного исполнять при нем домашние услуги, в числе коих есть обязанности, представляющиеся унижительными и нерасполагающими сердце служащего к господину, то, кажется, гораздо более можно бы опасаться воздействия врача в этом роде на пациента, который чувствует естественное расположение к доктору, облегчившему его страдания, и, стало-быть, гораздо более склонен внимать его внушениям. И в самом деле, известно, что никто не бывает столь сильно наклонен к религиозному восприятию, как выздоравливающие (реконвалесценты), но, однако, этого не боятся, и хорошо делают, ибо нет примеров, чтобы еврей-врач воспользовался этим настроением пациента-христианина и обратил его в еврейскую веру.

Словом, на опасения этого рода, завещанные еще от времен неосновательной религиозной страшливости царя Алексея Михайловича, нельзя смотреть глазами тех времен, ибо все это не имеет уже более ровно никакого основания.

IV

Другие законоположения о евреях имеют целью защитить или оградить христианское население от так называемой экономической «эксплуатации» евреев.

Собственно говоря, словно «эксплуатация» здесь употребляется только как более деликатная форма, долженствующая покрывать понятие более резкое. Закон просто хочет оберегь крещеных простолюдинов от обмана, к которому еврейство представляется охочим и весьма способным. Но в этом направлении во взглядах законодательной власти замечаются опять очень сильная непоследовательность и противоречие.

Во-первых, в той черте, где дозволено обитать евреям в России, живут точно такие же христиане, как и во всех других местностях, где евреям дозволяется

только временное пребывание и то по исключительным правилам. Даже более того, – вся местность, называемая некоторыми «Киевскою Русью» в отличие от коренной «Руси Московской», есть прекрасный край, где нравственность жителей стоит значительно выше московской. Малоросс боится всякого обмана, он боится и «жида», и москаля, хотя жиды он боится несколько менее, а москаля несколько более. Москаля хохол иначе себе и не представляет, как обманщика, как предприимчивого, пронырливого и ловкого человека, с которым человек тихого малороссийского характера никак не может справиться. Когда москаль хвалится (в «Катерине» Шевченко), он говорит: «Кого наши не надуют». Вместо слова «солгать» малороссы говорят: «не кажите по-мос-ковськи»; хвастать тоже называется «москаля свезть». Такие обороты народного сложения показывают, что малоросс в самом деле весьма боится способнейшего к обману великоросса и не чувствует симпатий к его разухабистой натуре. Но тогда, если этот малоросс – такой же, как все русские, христианин и добрый верноподданный, – столь сильно чувствует свою несостоятельность даже перед обманом великоросса, то какое же есть основание, чтобы его, человека скромного и честного, предать в исключительную жертву ненасытных евреев, которых будто бояться даже сами далеко не вялые великороссы? По разуму и по совести мы отказываемся найти этому какое-нибудь объяснение.

За что же все тяжкое иго жидовства несет народ скромнейший и слабейший, а не сильнейший, который сам объявляет, что он жиды не боится? Мы это видим в заявлении московских купцов, которое нашло себе место в «Московских Ведомостях» М. Н. Каткова, в речательствах самого г. Каткова и в метком указании, что евреи никак не могут расторговаться во Владимире и в Ярославле, где бойкое местное население их просто «забывает». В Ярославле и во Владимире евреи, если и встречаются, то далеко не в благоденственном состоянии, а по евангельскому выражению питаются «крупницами, падающими от стола господина». Это, конечно, очень хорошее доказательство, что деятельному и промышленному великорусскому населению еврей, как конкурент, нисколько не опасен.

Следовательно, евреи являются или, по крайней мере, могут быть трактуемы опасными эксплуататорами только среди христианских простолудинов менее промышленных и деятельных, каковы белоруссы и малороссы, а тогда нельзя видеть ни последовательности, ни справедливости в том, что здесь-то именно евреев только и удерживают. Это значит ослаблять слабого еще более, вместо того, чем бы растворить крепость еврейского союза разлитием его в массу сильнейшего населения – великорусского.

В каком мере это непрактично, в той же и несправедливо, ибо единая держава российская, конечно, не желает и не должна рознить свой взгляд на великороссов и малороссов или белоруссов так, как будто одни ей родные дети, а другие подкидыши или пасынки. Русь Владимира, как и Русь Андрея Боголюбского, вся ныне составляет единую страну, равно близкую державным заботам русской короны. Белоруссия и Малороссия вовсе не «края изгнания» для людей, нетерпимых русским обществением, и если они трактуются таковыми по отношению к евреям, то это неправильно и для тех мест обидно.

Если же признавать евреев нетерпимыми среди промышленных а энергичных людей великорусского племени, то тогда логичнее и безобиднее для малороссов было бы принять мнения тех, кто предлагал выселить всех разоренных

погромами евреев в Сибирь или выслать их за границу, как то предлагал военный прокурор в Киеве. Тотаа, по крайней мере, были бы обижены посприанием справедливости одни евреи, но не малороссы и белоруссы, совершенно напрасно несущие ныне штрафное положение. По нашему мнению это составляет nonsens.

V

Но действительно ли евреи такие страшные и опасные обманщики или «эксплоататоры», какими их представляют? О евреях все в один голос говорят, что это «племя умное и способное», притом еврей по преимуществу реалист, он быстро схватывает во всяком вопросе самое существенное и любит деньги, как средство, которым надеется купить и наичаще покупает все, что нужно для его безопасности.

Ум малоросса приятный, но мечтательный, склонен более к поэтическому созерцанию и покою, а характер этого народа мало подвижен, медлителен и не предприимчив. В лучшем смысле он выражается тонким, критическим юмором и степенною чинностью.

В живом, торговом деле малоросс не может представить никакого сильного отпора энергической натуре еврея, а в ремеслах малоросс вовсе не искусен. О белоруссе, как и о литвине, нечего и говорить. Следовательно, нет ничего естественнее, что среди таких людей еврей легко добывается высшего заработка и достигает высшего благосостояния.

Чтобы привести эти положения в большее равновесие, мы видим только одно действительное средство – разредить нынешнюю скученность еврейского населения в ограниченной черте его нынешней постоянной оседлости и бросить часть евреев к великороссам, которые евреев не боятся.

Но предлежит также вопрос: есть ли в действительности такой вред от еврейского обманничества даже при нынешней подневольной скученности евреев в сравнительно тесной черте? Это считается за несомненное, но, однако, есть формула, что на свете все сомнительно. Как судить о еврейском обманничестве: по экономической статистике, или по впечатлениям на людей более одаренных живым даром наблюдения, или, наконец, по сознанию самого простонародья?

Попробуем проследить это. Экономическая статистика сама по себе суха и мертва: по ней трудно сделать живой и осмысленный вывод, общесторонне и верно выражающий действительность. Может случиться, что статистика покажет меньший процент нищенства в местности более производительной, но менее трудолюбивой и нравственной, – и наоборот. Чтобы руководиться статистическими цифрами, надо обладать хорошим и притом очень многосторонним знанием всех условий быта страны. Иначе, например, если судить по количеству нищих, то наибольшее число их, как известно, падает на долю Москвы, Тулы, Орла и Курска и их губерний, находящихся совсем не в неблагоприятных условиях и притом закрытых для еврейской конкуренции. Кто намножил здесь нищих, приседящих всем святыням московским?

Конечно, не евреи.

В черте же еврейской оседлости нищенство христиан без всякого сравнения менее нищенства московского, где население образцово-живое, или орловского и курского, где общая слава помещает «житницу России». Самые реестровые нищие – промышленники Киево-Печерской лавры – по преимуществу велико-